

Англо-русское соглашение 1907 года.¹

Сообщение председателя среднеазиатского отдела Общества Востоковедения, генерального штаба подполковника **А.Е. Снесарева**, читанное на общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний 24 января 1908 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Значение англо-русского соглашения 1907 года.

Англо-русское соглашение 18 августа 1907 г. является одним из важнейших актов, которые когда-либо видела среднеазиатская обстановка. Я не хочу этим сказать, что в Средней Азии никогда не поднимался вопрос о каком-либо соглашении или договоре, что Англия и Россия, главные соперницы на этом театре, никогда не останавливались на мысли как-либо регулировать здесь свои отношения. Действительно, такие соглашения бывали. Они имели место около реки Аму-Дарьи, около западного Памира, у самого Гиндукуша и т.д. Но все эти соглашения, эти попытки урегулировать некоторые порою чисто пограничные недоразумения не носили должного размаха, преследовали какую-нибудь маленькую цель, связанную обыкновенно с небольшим районом, и в результате имели, обыкновенно, характер частный и узкий. Бывало так, что в одном маленьком углу огромного среднеазиатского театра старались устранить недоразумения, а в другом, где-нибудь в стороне, в это время уже готовилась новая невзгода, готовилось новое недоразумение; подпиравшим среднеазиатскую стену в одном месте приходилось наблюдать, как она уже начинала разрушиться в другом; переходили к этому другому месту, — появлялись новые заботы и тревоги, летели новые слухи по среднеазиатскому полю.

¹ Журнал «Общество ревнителей военных знаний», СПб, 1908.

Соглашение минувшего года пытается устранить прежние недостатки и потому, оставляя старую манеру, сразу распространяется на широкую арену, в которую входят Тибет, Афганистан и Персия. Каковы бы ни были те данные, которые положены, как принцип, в основу этого соглашения, во всяком случае, в географическом смысле оно захватывает широкую зону и пытается установить, как говорят, *modus vivendi* на обширной территории; это уже большой для него плюс. Но я хочу заранее оговориться, что, вполне отдавая должное этому обстоятельному замыслу, от души приветствуя эту попытку в первый раз остановиться на каком-нибудь определенном шаге, предупредить сплетни и интриги, я, тем не менее, по тем приемам, которые положены в это соглашение и которые имели целью предупредить недоразумения, должен буду впоследствии высказать несколько своих отчасти критикующих замечаний. Для того, чтобы задачи среднеазиатского соглашения были бы понятны, чтобы картина тех целей, которые преследовались, была бы выяснена хотя с некоторой отчетливостью, необходимо остановиться на тех сторонах среднеазиатской обстановки, которые могут оказаться секретом для большой публики и которые до сих пор были уделом только людей, обязанных или по служебным условиям или по другим причинам заниматься специально среднеазиатским вопросом.

2. Положение Тибета, Афганистана и Персии в среднеазиатской обстановке, как зерен между двумя жерновами.

Объекты соглашения – Тибет, Афганистан и Персия. Во всем акте только о них и идет речь. Что же это за страны, о которых говорится здесь и к которым пытаются установить свое отношение Англия и Россия? Если мы устремим поверхностный, общий взгляд на огромную среднеазиатскую территорию, то нам бросится в глаза такого рода положение этих трех стран. Они огибают Индию или, что одно и то же, Англию наподобие шапки с севера, а на эти маленькие страны, в свою очередь, давит с еще большего

севера Россия. В результате эти небольшие три страны волей судеб поставлены в тиски между двумя великанами; факт на первый взгляд как будто и незначительный, но он является путеводной нитью при решении многочисленных вопросов, которые обыкновенно связываются с очень сложной и мудреной среднеазиатской проблемой. Сознание, что их страны лежат между двумя колоссами, побуждали издавна властителей их глубоко задуматься над той конечной судьбой, которая в будущем уготована управляемым ими государствам. Отсюда, в среднеазиатской литературе, создан ряд сравнений, с которыми может познакомиться всякий, кому попадет в руки или азиатская книга, или азиатская газета. Одно из них, напр., сравнивает Тибет, Афганистан и отчасти Персию с зернами, которые попались между двумя жерновами. Нельзя не согласиться с меткостью такого сравнения. Это действительно зерна, быть может, ничтожные, еще живущие и передвигающиеся с одного места на другое, но не могущие быть уверенными, что завтра они не будут измолоты в муку сдвинувшимися, по какому то соображению, двумя тяжелыми жерновами. Я упомяну здесь еще о других сравнениях, которые так любил прежний властитель Афганистана эмир Абдуррахман, когда говорил о своем царстве. Он сравнивал свою страну, «Богом посланную» – как он должен был прибавлять в качестве магометанина, – или с ланью, которая попала между медведем и волком, или с белым лебедем, который плавает на озере; по одну сторону такого озера находится шакал, по другую еще подобное ему животное, и положение лебедя оказывается самое тягостное: если он подплывет к одному берегу – его похитит гиена; если же он приблизится к другому, – то его съест волк и т.д.

Подобное положение между двумя колоссами уже достаточно объясняет многое, о чем я доложу впоследствии. Сейчас же остановлюсь несколько подробнее на политическом положении тех государственных организмов, о которых идет здесь речь, дабы суть англо-русского соглашения была более ясна.

3. Политическое положение Тибета.

Тибет облегает Индию с севера наподобие крыши. Страна эта маленькая, бедная. Население ее некоторые географы исчисляют в 1½ миллиона; некоторым желательно увеличить эту цифру до 2½ миллионов. Интересно было бы спросить этих исследователей, откуда они взяли ту или другую цифру, кто сосчитал этих бедных людей, которые, Бог знает, где живут и которые сами не умеют сосчитать не только себя, но и свои стада, ютящихся около своих хозяев? Во всяком случае, страна эта не большая. Чем живет ее население? Оно живет, главным образом, скотоводством; в тех же долинах, которые лежат ниже, чем на 10.000 футов, наблюдаются зачатки земледелия и здесь население обрабатывает землю. Кроме того, подспорьем для населения являются некоторые ремесла – приготовление сукон для домашнего обихода, охота, добывание руды. Вот тот хозяйственный обиход, которым существуют тибетцы.

Если я перейду теперь к политической оценке страны, то тут мне придется коснуться тех заимствованных из Европы определений, которые не всегда удачно восполняли недочеты местного языка. Как управляется эта страна? Обыкновенно в энциклопедических словарях и статьях о Тибете говорится, что Тибет есть государство, находящееся от Китая в вассальной зависимости, что богдыхан – верховный глава Тибета, верховный во всех отношениях и даже в духовном; что этот глава посылает резидента, который вершит всеми делами Тибета. На самом деле, если мы отойдем от этой теоретической формулы к практической, то картина обрисуеться нам в таком виде. Тибет управляется монахами или тою, почти третьею частью населения, которая взяла на себя обет безбрачия, постоянной молитвы и постоянных подвигов в духовных делах; такова, по крайней мере, книжная сторона их жизни. Во главе этого монашества стоят несколько высших духовных лиц; из них наибольшую силу имеет, так называемый, Далай-Лама. Рядом с ним имеется еще глава, почти такого же достоинства, а остальные лица более или

менее незаметны. Духовенство разбивается на ряд орденов, между собой почти независимых, которые имеют своеобразные уставы. Каждая из этих монастырских групп управляет какой-нибудь областью.

Некоторые исследователи называют форму правления Тибета политической анархией. С этим, конечно, трудно согласиться: результаты анархии были бы на лицо, а таких в многостолетней истории Тибета никто не видел, да едва ли когда и увидит. Во всяком случае, тот резидент, который, якобы, является представителем богдыхана, есть просто на просто чиновник, который на известный период времени прибывает в Лхассу, откуда ведает решительно всем, чем может ведасть: делами и серьезного характера, и второстепенного. К нему идут и жены за разводом; к нему идут и монахи, провинившиеся против статута; он же ведает и судебными делами разного порядка, разбирается в государственных делах и т.д. Но едва ли правильно предполагать, что такого рода управление есть управление по существу. Страна живет по своим старым традициям, управляется людьми, которым все верят и к которым издавна привыкли, а к резиденту относятся как к человеку пришлому, и к нему добровольно прибегают лишь те люди, которые не вполне удовлетворены местными инстанциями или местными судами.

Мирная жизнь Тибета, вероятно, долго бы протекала в обычной для него безмятежности, если бы в начале XVIII столетия на арене Индии не появилась Англия. Во всю половину XVIII и первую половину XIX столетия эта новая гостья имела слишком много забот, чтобы обратиться в сторону той страны, о которой я имел честь только что доложить. Но вот дела Индии были окончены, все, что имело ценность, было прибрано к рукам и Англия подошла, наконец, к подножию Гималая. Оттуда впервые, подняв взор вверх, она увидала, что под далекими небесами живет маленькая страна, на которую она не успела еще наложить свою жадную руку. На первый раз это даже смутило ее. Один вице-король, из очень нетерпеливых, снарядил тотчас же экспедицию, но эта экспедиция на первых же порах потерпела фиаско.

Оказалось, что тибетцы уже успели, при всей простоте нравов и ограниченности своего политического кругозора, подметить, что к ним подошел враг, с которым они должны серьезно считаться. Что предстояло делать бедной и бессильной стране? Оружия нет, войска нет, сил нет, денег также нет. Оставалось прибегнуть к одному из способов, к которому прибегают слабые народы. Этот способ – пассивное сопротивление. И тогда-то на заре XIX столетия окончательно был выработан тот прием, который можно назвать принципом недопущения ни одного европейца на территорию Тибета. Много об этом принципе говорилось, много даже написано негодующих статей в английской литературе; но если вдуматься и, всмотреться в вещи по-человечески, то нужно согласиться, что для Тибета такой прием являлся единственным исходом, чтобы замкнуться в своей жизни и сохранить хоть на один-другой десяток лет самостоятельное существование, которое дорого для всякого государства. Когда на практике такой прием не удавался, главами Тибета создавались новые приемы. Они сводились к тому, чтобы, прикрываясь суверенитетом Китая, прикрываясь необходимостью получать от него полномочия, растягивать до бесконечности всякие переговоры, которые поднимались между Англией и Тибетом. Обыкновенно делалось так: со стороны вице-короля следовали какие-либо требования; тибетская власть говорила, что это требование для них слишком высоко, что решить такие большие государственные дела она сама не может и надо навести справки об этом в Пекине. До Пекина далеко; пока туда кто-то ходил, пока оттуда кто-то возвращался, кто-то заболел в дороге, на кого-то напали разбойники, в результате одного вице-короля сменял другой, более мягкий и опасность несколько отдалялась... Таким путем не один раз удавалось уклониться от этих цепких приемов, которые уже начинал проявлять Альбион по отношению к Тибету.

Но всему есть конец, настал он и для Тибета. В конце концов, под разными предлогами, – а эти предлоги, заметим между прочим, придумать не

трудно для того государства, у которого имеются *всюду* интересы, – («швырнули в миссионерку картошкой на базаре, вот и предлог для чего хотите»), говорит по этому поводу один остроумный наблюдатель) создалась более настойчивая и более притязательная политика со стороны Англии. На сцену появились даже мнимые угрозы со стороны России, какие-то ее политические козни. Вся длинная паутина интриг завершилась известной экспедицией Ионггесбенда в 1904 году, в тот удобный момент, когда мы были отвлечены на Дальнем Востоке.

Я не буду распространяться об этой экспедиции. В ней нет ничего привлекательного. Расстрелы безоружных и глубоко мирных по природе людей с расстояния немногих сотен шагов – картина не настолько утешительная, чтобы ею тревожить ваши нервы и обращать на нее ваше внимание. Во всяком случае, в конце концов, Англия зацепилась за Тибет в такой мере, в какой это было ей необходимо. Главенство было будто бы оставлено при Китае. Были намечены рынки, в которых английские купцы могли торговать, и они подобраны были очень искусно. Англия достигла всего, что ей было нужно; она вступила твердой ногой на территорию Тибета.

Таким образом, незадолго перед тем, как было заключено соглашение прошлого года, к Тибету со стороны Англии создавалось такое отношение, что она по существу являлась распорядчиком, по крайней мере, экономическим в его судьбах, а Китай оставался только номинальным главой Тибета. Этот момент я прошу запомнить, чтобы приурочить его к дальнейшим статьям соглашения, о которых я буду говорить потом.

4. Политическое положение Афганистана.

Что из себя представляет Афганистан? Афганистан – горная страна, с населением, по некоторым расчетам в 5, по другим в 6 миллионов душ, разнородного состава, но с более компактной массой в лице афганского племени, наиболее воинственной и правящей частью населения; афганцев

насчитывают, 2-3 миллиона. Издавна Афганистан управлялся отдельными ханами, во главе которых время от времени становился какой-либо честолюбец, который и удерживал верховную власть в своем потомстве на более или менее продолжительное время. Он считался *первым между равными*.

Может быть, судьба Афганистана сложилась бы так, как ей и надлежало сложиться по нормальным законам природы, если бы на лицо не оказалось одного обстоятельства, которое предупредило строго и деспотично всю его последующую политическую судьбу. Афганистан, как это ясно видно на карте¹, включает в себе кратчайшие пути, пролегающие между Россией и Индией, или, говоря точнее, через Афганистан пролегают два операционных направления на Индию со стороны России, наиболее удобные и исторически известные. Этот факт, с точки зрения гражданских людей, пожалуй, и маленький, но с точки зрения военных – колоссальный, предопределил дальнейшую судьбу Афганистана и привел его к тому положению, в котором он теперь находится. Англия уже с первых шагов, как только она появилась в Средней Азии, стала беспокоиться об Афганистане. Еще ничего не было слышно о приближении России, еще она была далеко у Уральского хребта, когда в политической литературе Англии уже стали мелькать статьи, касавшиеся тогда никому не известной страны. Но с начала XIX столетия, когда был опубликован Наполеоном известный план движения на Индию, второй из его крупных планов, который предполагал наступление от берегов Каспийского моря через восточную Персию на Афганистан, значение последнего, как территории, замыкающей пути, грозные для судеб Индии, стало для англичан совершенно ясно. С тех пор, две державы – Россия, может быть, путем бессознательного влечения, Англия по системе – стараются перехватить эту территорию в свою пользу на случай того соперничества, о

¹ См. карту, приложенную в 3-й книжке журнала за 1907 год к статье А. Андогского: «Военно-географическое исследование Афганистана, как района наступ. операций русской армии».

котором в Европе, чаще говорится, как о легенде, но, о котором говорят в Средней Азии совершенно убежденно.

Со стороны Англии, в данном случае, обнаружилось систематическое желание всеми мерами, какими только она располагала, взять Афганистан в свои руки. Сначала последовал ряд политических посольств. Так как они не приводили к цели, то «были созданы», – я говорю умышленно «были созданы», – две войны: одна в конце 30-х и в начале 40-х годов, которую называют *первой* афганской или англо-афганской войной, и другая – в конце 70-х и начале 80-х годов, которую называют *второй* англо-афганской войной. Здесь не место говорить о тех мотивах, которые были приведены в оправдание этих войн, ибо им, во всяком случае, нет никакого оправдания. И та, и другая войны завершились для английского оружия позорно. Общая цель со стороны Англии достигалась на половину, но несомненно, что с каждой из этих войн Англия подавалась, хотя на шаг вперед в смысле дальнейшего овладения, по крайней мере, политического, Афганистаном. В конце концов, после ряда усилий, после ряда жертв людьми и деньгами, после применения всевозможнейших приемов, Афганистан очутился в достаточной власти Англии, а от России он был окончательно отрезан, он был отделен от нас китайской стеной в полном смысле этого слова.

Для того, чтобы охарактеризовать, насколько Афганистан оказался отрезанным от России, я приведу несколько скромных примеров из своих собственных наблюдений в бытность мою начальником Памирского отряда в 1902-1903 году. Примеры эти будут маленькие, но они, по моему мнению, характеризуют большую и очень эффектную картину достигнутых Англией результатов. На востоке Афганистана, по границе его с нашим Памиром протекает река Пяндж. Эта речка является верхней третью Аму-Дарьи, которая в пределах памирских высот имеет горный характер. Пяндж значит Пятиречье, в переводе с персидского или точнее горно-персидского языка.

Эта речка, если вы проследите за прошлым прилегающих к ней стран,

никогда не служила для них границей, да и не могла быть ею. Почти всегда речку можно перейти в брод и только в пору весеннего разлива она начинает бурлить, и тогда прекращается через нее переезд. Если мы вспомним XIII столетие, когда по этим местам проходил Марко Поло, то увидим, что народы тогда обитали и по ту и по другую сторону этой реки, составляя на некоторой части ее течения одно государство, а не два. Так продолжалось до тех пор, пока на сцену не появились Англия и Россия. И вот, в 1873 г. по предложению Англии, эта небольшая речонка была объявлена границей.

С одной стороны залегли афганские или, по существу, английские владения, а с другой бухарские или, по существу, русские владения. Поскольку эта преграда была крепка, можно судить по таким примерам. Часто случалось, что какой-нибудь таджик, как называются местные горцы, по топографическим условиям имел свою избушку, скажем, на левой стороне Пянджа, а на правой стороне реки у него был небольшой кусочек принадлежащей ему земли. Таких случаев всегда было много и они никого не стесняли, пока не появились на сцену две европейских страны и не сказали, что правая сторона реки доступна только для русских подданных или лиц, которые находятся под русским влиянием, а левая – афганским подданным или лицам, находящимся под влиянием Англии, и что переходить эту речку нельзя ни в коем случае. И вот, человеку, являющемуся собственником земли, которой владели его предки, быть может, много столетий, приходится прибегать для возделывания своей крошечной нивы к такому способу: ночью, вброд или вплавь, он пускается через речонку, вспахивает свой клочок земли и к рассвету, как вор, возвращается назад. Он ждет поры, когда созреет нива, тогда опять украдкой он переплывает речку, если случится большая вода, или же переходит ее вброд; жнет хлеб и опять-таки, как вор, возвращается к себе на другую сторону.

Видите, что создала политика, главным образом, английская, и как она была безжалостна в отношении этих маленьких народцев.

Были случаи еще более жестокие: раз, в качестве начальника Памирского отряда, я получил известие, что бадахшанец, т.е. житель по ту сторону реки, обвиняется начальником Файзабада, главного города Бадахшана, в том, что он начальнику отряда, т.е. мне, доносит какие-то секретные сведения. Этого человека я никогда и в глаза не видал и никаких секретных сведений от него не получал. Я пишу биргиту (начальнику Файзабада) письмо, в котором высказываю самое решительное заверение, что приведенного случая измены никогда не было, что на человека взводят напраслину... моя просьба не возымела никакого действия. Оттого ли, что не поверили мне, или у несчастного были влиятельные недоброжелатели, сказать не могу, но, только через несколько дней до меня дошел слух, что мнимого лазутчика распяли на площади Файзабада. Будь иные отношения, я мог бы спасти его, но в данном случае я был бессилён: небольшая речка надежно уединяла меня от кровавой сцены. Как потом выяснилось, один из жителей нашего берега поссорился с бадахшанцем на какой-то любовной почве, донес на него, представил лжесвидетелей и, в результате, разыгралась та ужасная казнь, о которой я потом получил известие.

Я не буду продолжать приводить примеры. Достаточно этих небольших для того, чтобы доказать, насколько Афганистан, до самых мелочей, был уединен от России. Цель Англии, в этом отношении, была блистательно выполнена.

Таким образом, положение Афганистана, незадолго перед тем, как состоялось англо-русское соглашение, было следующее: эта страна номинально или официально была самостоятельной; она управлялась Эмиром на правах независимого властителя, но по существу находилась в полной власти Англии, и притом в столь полной степени, что в последние годы из прежнего буфера Англия стала готовить в лице Афганистана уже передовой театр на случай столкновения с Россией в Средней Азии. Что касается России, то она, придвинув свою границу к Афганистану на 20-30 лет

раньше Англии, первая, начав сношения с ним в конце 20-х годов и притом очень успешно, имея с Афганистаном границу более чем в 2.000 верст, должна была смотреть на эту страну, как на совершенно запретную для себя, с которой она не имела права входить даже в какое-либо частное сношение.

5. Политическое положение Персии.

Перейду теперь к Персии. Персия была яблоком раздора в Средней Азии в ту пору, когда походы на Индию проектировались от берегов Каспийского моря. Это, так называемые, *европейские* походы, потому что азиатские походы выполнялись по совершенно иному плану. Так как колонны, по высадке, в Астрабаде, направлялись через северо-восточный угол Персии, то этим самым издавна намечалось и ее стратегическое значение. Подобное обстоятельство побудило англичан в первые годы XVIII столетия обратить тревожное внимание на Персию и, в первую четверть века, здесь велась упорная борьба со стороны Англии за то, чтобы получить там преимущества. Но, когда в 60-х годах, в боевой период завоевания Туркестана, мы стали надвигаться на Среднюю Азию с севера, то Англия увидела, что «угроза» переходит уже к путям более коротким и более для нее опасным. Поэтому Персия, в смысле ее военного и стратегического значения, стала много терять в ее глазах. В конце концов, Британия решила почти совсем оставить без внимания военное значение Персии, и все соперничество с Россией перенести в ней на чисто экономическую почву.

В последние 3-4 десятилетия борьба в Персии велась исключительно из-за экономического преобладания. Некоторые исследователи Персии, большие патриоты Англии, вроде, напр., Роулинсона, благодаря тому, что они были люди гражданские, в свое время не поняли этого перелома военной мысли Англии и в сочинениях упорно задавали один и тот же вопрос: как можно бросать Персию, ту самую Персию, в которой, по их мнению, начинался успех Англии? Они писали целые трактаты по этому поводу, но их вопли были

тщетны: Англия знала, что она делала, и ее новое отношение к Персии было глубоко правильным. Решив, что в Персии для нее остался только экономический интерес, она на военную сторону дела почти совсем перестала обращать внимание. В результате, ее соперничество утратило прежний широкий и нервный импульс и во многих сторонах борьбы с Россией она в Персии стала нам действительно уступать.

Англо-русское соглашение прошлого года застаёт Россию и Англию в той стадии соревнования в Персии, когда экономическая борьба намечалась такой картиной: вся северная Персия была по существу во власти или в экономической зависимости от России, точно также имела наша родина здесь и политическое преобладание. За Англией оставался юг. По соображениям, о которых я скажу после, Англия¹, по-видимому, решилась в вопросе о Персии провести определенные линии, которые закрепили бы площади экономического и политического завоевания России и Англии, соответственно. По англо-русскому соглашению, Россия с Англией и провели такие линии, которые дают отныне возможность, как той, так и другой стране замыкаться своими экономическими работами в определенную зону. Это было, по-видимому, главной целью персидской части договорного соглашения, которую преследовала Британия.

6. Англия и Россия в Средней Азии.

Вот, в кратких чертах, политическое, а отчасти и экономическое положение Тибета, Афганистана и Персии незадолго перед заключением англо-русского соглашения. Но из этого краткого очерка общая идея, которая красной нитью проходит во всем этом соглашении, все-таки, по моему мнению, остается невыясненной.

Для того, чтобы установить определенную отправную точку, нужно

¹ Полковник Иет хочет инициативу в этом приписать нам, но на таких жидких основаниях, которые не заслуживают серьезного внимания. См. Asiatic Quarterly Review, January, 1908, p. 15.

вспомнить, что Англия с первых шагов наших в Средней Азии опасается России, как претендента на ее драгоценную колонию – Индию. Было бы слишком долгим рассказом, если бы я стал в доказательство этой мысли приводить выдержки из книг и ссылаться на какие-либо авторитеты. Да едва ли в этом есть и надобность, так как сказанная идея настолько общеизвестна, что она из круга специалистов давно уже перешла в большую публику. Является вопрос, правильны ли опасения Англии и действительно ли грозит ей Россия?

По этому случаю мне хочется сейчас сослаться на недавно появившуюся в печати книгу генерал-лейтенанта Терентьева, на его трехтомный труд, в котором содержится описание завоевательных наступлений России в Средней Азии. В Англии издавна, какую бы политическую брошюру или книгу вы ни открыли, вы могли непременно натолкнуться на мысль, что Россия только и думает, что об Индии, что все движения русских к Мерву, Бухаре, по направлению к Хиве или Коканду являются случаями лишь временного отступления в сторону, а в основе всех этих движений продолжает оставаться главная мысль – постепенно, но неуклонно подвигаться к драгоценной британской колонии и захватить ее, столкнув англичан в море. Это англичане твердят на каждом шагу. Откройте теперь книгу генерал-лейтенанта Терентьева. По моему мнению, это лучший образчик, чтобы пошатнуть или совершенно разбить всякие подобные утверждения англичан. Эта книга, если хотите, по обилию громоздкого материала, по торопливости в некоторых частях обработки, является в известной степени сырым материалом, но она драгоценна по непосредственному воспроизведению впечатлений автора, по его искренности и правдивости; по крайней мере, я невольно получил такое впечатление при чтении книги. Не все ее части разработаны с полными деталями или равномерно, но во многих частях автор говорил, как очевидец дела, которому приходилось нередко выполнять очень серьезные поручения; стоя недалеко от

двигателей эпохи, автор мог обнимать обстановку в очень широком масштабе. Теперь проштудируйте труд ген. Терентьева и задайте себе такой вопрос: действительно ли русские имели в виду Индию, когда на среднеазиатских полях выполняли подвиги, о которых известно всему миру? Действительно ли в головах руководителей движения стояла в качестве конечной цели – богатая Индия, которая может кого-то обогатить, которая для кого-то слишком заманчива и т.д? Это вы едва ли найдете хотя бы на одной странице. Преследовалась масса целей; это были цели стратегические и политические, но они не были целями такого далекого характера, какой приписывают им англичане. Задавались почти всегда лишь целями близкими, в частных случаях даже противоречащими той идее, которую стараются приписать нам англичане. Если вы остановитесь на лицах, которые являлись исполнителями разных среднеазиатских предначертаний, и постараетесь выяснить себе их политическое credo в соответствующий момент, то вы увидите, что, может быть, только один из этих деятелей, а именно, первый генерал-губернатор или, как его называют, да и всегда будут называть – «устроитель Туркестанского края» – генерал-лейтенант Кауфман не забывал, действительно, про Индию. Его политический размах, его понимание среднеазиатских задач шли много впереди взглядов его современников, обхватывали обстановку широко. Но надо искренно признать, что Кауфман был единственным человеком, который смотрел настолько далеко вперед, что за ним не могли поспеть не только в Туркестане, но даже здесь в Петербурге. Когда вы прочтаете его полемику с представителями министерства иностранных дел, то вы увидите, что министерство иностранных дел того времени на среднеазиатскую проблему смотрели не так ясно и не так дальновидно, как смотрел этот выдающийся человек своего времени. Он был не понят. Незадолго до своей смерти устроитель края был обижен, – нет, это было бы неправильное выражение, – он был разочарован. Он видел, что его замыслы отчасти непоняты, отчасти своим исполнением будут отложены на

ту далекую эпоху, которую он не мог даже и предвидеть.

Вот вам выводы из книги искренней, правдивой, которая излагает вещи языком простым и бесхитростным. Можно было бы привести другие данные, но это отвлекло бы меня слишком далеко в сторону. Во всяком случае, результаты поступательного движения России, если вы за ними проследите в разные периоды, должны обязательно привести вас к заключению, что умысла, столь далекого и столь для Англии опасного, никогда, ни в одну эпоху этого наступательного движения, не имелось в виду. Я в кратких словах, не отвлекая особенно в сторону моих слушателей, вспомню схему нашего наступательного движения.

В середине XVIII столетия мы стояли у Урала, а к востоку от него лежала степь, на которой кочевали орды киргизов. В то время они были еще полуязычниками; некоторые из них уже успели приобрести самостоятельность и начали усваивать магометанство. Киргизы были простые и добродушные кочевники, но имели неудобные для нас замашки: они не хотели признавать покоя и государственного распорядка соседей, которые обитали рядом с ними. Они производили грабежи, сжигали наши деревни, увозили людей в плен, угоняли скот и т.д. Рано или поздно мы должны были, поскольку нам был дорог покой нашей страны и крепость наших государственных начал, положить конец этим бесчинствам. Сначала мы пробовали жить с киргизами на мирных началах, но это не помогло. Они не успокоились, потому что наши мирные заявления они считали проявлением трусости. Тогда нам поневоле пришлось перейти к пассивной обороне.

Мы начали строить форты, укрепляли приграничные станицы, держали кордонами небольшие отряды, а политику вели такую: мы оставляли киргизов в покое до тех пор, пока они не позволяли себе какого-нибудь злоупотребления; раз же они позволяли себе что-либо, мы предпринимали карательные экспедиции, догоняли орду, отнимали свое, прихватывали, быть может, чужое и возвращались назад. Это обыкновенно производило некоторое

впечатление, но, опять-таки, не столь долгое, на какое мы рассчитывали. В конце концов, видя, что мы ничего не можем поделать, держась определенной границы, мы постепенно, вначале, может быть, не желая подвигаться в степь, стали идти вперед «перекатами», как любили тогда выражаться, т.е. выносили ряд линий вперед, и, притом, по двум направлениям. Одно направление шло на юго-восток к берегу Аральского моря и называлось *оренбургским направлением*, а другое шло вверх по Иртышу и называлось *сибирским*. Вся наша политика по отношению к киргизам являлась вынужденной, поневоле, может быть, осторожной и полной тактичности; иным путем мы не рассчитывали получить какие-нибудь прочные результаты.

А в результате, для нас почти незаметно, мы к середине XIX столетия на оренбургском направлении докатились до устья Сыр-Дарьи, у восточного берега Аральского моря, а на сибирском успели покинуть Иртыш и дошли до нынешнего Верного. Между этими крайними пунктами оставалось пространство в 900 в. Мы думали, что раз мы зашли так далеко, жители поймут нашу силу и ту опасность, которая грозит им, и что они удержат себя от выходов по отношению к русским постам и нашим поселениям. Но наши надежды и тут не оправдались. В то пространство в 900 в., которое оставалось свободным, время от времени стали совершать набеги орды кокандцев или бухарцев и производили бесчинства, которые раньше проделывали киргизы. И вот, в начале, 60-х годов мы окончательно убедились, что мы ничего не можем поделать с нашей пассивной политикой. Решено было энергично двинуться в глубь среднеазиатских стран и, с этой целью, предприняты были одновременно два движения. Начался боевой период наших завоеваний в Средней Азии, который в результате вылился в такой колоссальный успех, что в какое-либо десятилетие мы завоевали всю нашу Среднюю Азию, весь, так называемый, русский Туркестан.

Но, увы, мы и на этом не могли остановиться, но не по соображению, конечно, что нам нужна была Индия. В результате приведенных успехов

шестидесятых и семидесятых годов, горсть русских людей оказалась оторванной от своей родины на несколько сот верст, причем ее отделяли пески, пустыни, дурные дороги. Эта горсть русских людей очутилась в полном одиночестве среди совершенно чуждых им народов. Если бы случилось несчастье, помощи было искать не откуда или ее можно было бы подать только издалека. Условия политические и стратегические были для этих людей невыносимы. Создавалась необходимость искать более удобных и сокращенных путей, которые связывали бы этих людей с центральной Россией более надежным образом. Эти пути проходили от Каспийского моря вдоль северной подошвы Туркмено-Хоросанских (Капетдага) гор и выводили к среднему течению Аму-Дарьи. Отсюда назрела необходимость завоевать нынешнюю Закаспийскую область или Туркмению, как называли ее раньше. Такое завоевание было подсказано необходимостью, иначе нужно было бы или строить железные дороги, что было тогда делом слишком дорогим и ранним, или отходить назад, но это повлекло бы за собой в Азии такую потерю престижа, которую затем ничем нельзя уже поправить. Таким образом, логикой политических и стратегических вещей была подсказана экспедиция в Закаспийскую область, которая закончилась в 80-х годах покорением этой области. Наконец, в 90-х годах совершился акт, по своему политическому смыслу уже не такого серьезного размера, а именно: соглашение в вопросе о Памире.

Вот картина того, что сделано в Средней Азии. Есть ли в любом фазисе этих завоеваний какой-либо вопрос об Индии? Решительно нет. О ней никто не думал; ее никто не знал; о ней не время было беспокоиться, так как слишком много было своих хлопот. А отсюда следует, что, если не быть слишком пристрастным и опасливым, какими оказываются политические деятели из англичан, то нужно признать, что в завоевании нами Средней Азии было достаточно своего политического смысла, чтобы навязывать еще какой-то иной.

Но, с другой стороны, не нужно быть и особенно придирчивым к Англии. Если хотите, у нее был некоторый смысл тревожиться. Я не буду уже говорить о том значении, которое имеет Индия для британских колоний. Вероятно, всем известен британский политический каламбур: один англичанин спрашивает другого: «что ты предпочел, чтобы у нас взяли, – Шекспира или Индию?», – другой отвечает: «Индию». Едва ли можно верить искренности ответа, но, во всяком случае, приведенное сопоставление такой духовной величины, как Шекспир, с такой экономической величиной, как Индия, очень характерно. Керзон говорит в одной из своих статей, что, если когда-либо совершится угроза по отношению к Индии, то он глубоко верит, что английская семья пошлет своего единственного сына на защиту этого драгоценнейшего достояния Англии; и мне думается, что она действительно пошлет своего единственного сына. Если вы вдумаетесь, с каким упорством английская семья до сих пор не хочет посылать под знамена не только единственного сына, но даже пятого или десятого, то вы поймете, что Керзон не мог, как англичанин, выразить свою мысль более сильным и убедительным образом.

Какие же были данные для Англии беспокоиться? А вот какие. В детали наших среднеазиатских поступательных операций она проникнуть не всегда могла. Она не могла разобраться, почему мы в одном случае подвинулись к востоку, а в другом – к западу, отступили к северу или югу, но, смотря с юга, из Индии, она видела, что в результате всех этих шатаний вправо и влево, все-таки, как равнодействующая, получалось какое-то грозное *поступательное* движение. Проложив отдельные его фазисы на карте, она увидела, что это общее движение сводится *ни к чему иному, как к Индии*; Россия с каждым десятком лет становилась к ней все ближе и ближе. Тогда естественно, что практической Англии нечего было задаваться вопросом, теперь для нее уже теоретическим, почему мы двигаемся к Индии, по каким соображениям, с кем имеем дело? Она знала одно, что в результате мы с каждым часом становимся

все ближе к ее владениям. В пространственном смысле она была права. Роулинсон говорил по этому поводу таким образом: «я не войду в рассмотрение разных соображений, которыми руководствуется русское правительство, но передо мной ясная картина, что каждый шаг или каждый фазис в среднеазиатских движениях России напоминает мне параллель при осаде какой-нибудь долговременной крепости». Автор, наметил ряд параллелей и старался убедить, что русские подходят к Индии так, как подходят к какой-нибудь долговременной крепости. Последующие опыты показали, что Роулинсон много ошибался, и что будущие параллели, которые он намечал с пророческим экстазом, оказались фальшивыми; но это – второстепенная часть дела. Во всяком случае, Роулинсон был прав в том смысле, что с каждыми пятью годами Россия в Средней Азии подвигалась все ближе к Индии, а это, очевидно, только и представляло для англичан интерес.

В приведенном кратком очерке я старался обрисовать картину того политического положения, которое предшествовало в Персии, Афганистане и в Индии англо-русскому соглашению 18 августа прошлого года. Теперь, в последующей своей части, я перейду к описанию этого англо-русского соглашения, рассмотрю его содержание и затем выскажусь, как оно рисуется мне, человеку, уже имевшему случай заниматься среднеазиатским вопросом и лично побывавшему во многих местах и углах Средней Азии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Содержание соглашения 1907 года.

Перехожу теперь к рассмотрению содержания соглашения 18 августа 1907 г. в его наиболее интересных статьях. Начинаю опять с Тибета.

В чем договорились между собою в отношении Тибета Англия и Россия. Они признали власть Китая над Тибетом, признали его право владеть этой страной во всех отношениях и согласились, что все переговоры, которые они будут вести с Тибетом, должны будут проходить через китайское правительство. Вот основания этих договорных статей. Англия после кампании 1904 г удержала некоторые привилегии, главным образом, торговые, которые практически сводятся к существованию трех рынков, на которых проживают английские подданные и представители в течение круглого года и на которых производится торговля с Тибетом. Англия оставила за собой право иметь своих представителей в этих пунктах. Кроме того, Англия и Россия согласились, что они не будут домогаться от Тибета каких-либо концессий, ни горных, ни железнодорожных (звучит несколько наивно: когда-то там начнут строить дороги), ни каких-либо других. Обе державы отказались от права отчуждать в пользу русских или английских подданных какую-либо часть территории Тибета или какие-либо его блага, подземные или надземные. Что же касается до религиозной стороны вопроса, она свелась к следующему. Как известно, масса буддистов, между ними и русские подданные, ежегодно совершают свои религиозные путешествия в Лхассу, где они пребывают в молитве, получают благословение от первосвященника и затем возвращаются к себе. Относительно этого благочестивого дела в договоре пишется, что русские и английские буддисты по-прежнему пользуются правом посещать Тибет для выполнения своих религиозных обязанностей, но при этом делается оговорка, что эти обязанности должны быть только религиозными, а если паломники этого

блности не будут, то соответствующее правительство обязано оказать на них известное воздействие; должно ли оно состоять в наказании богомольцев за политиканство, или в устранении их из пределов Тибета, – об этом не говорится.

Из приведенного мы видим, что относительно Тибета официальная сторона как будто выполнена в корректном и приличном тоне. Китай объявлен властелином, переговоры с Тибетом могут производиться только при его посредстве; ни Англия, ни Россия не имеют права домогаться там каких-либо приобретений, людям же, которые идут молиться в Тибет, оставлены их старые права, но с запрещением соединять молитву с каким-либо другим делом.

Теперь, что говорят статьи относительно Афганистана? Общий смысл их таков. Англия обязана уважать политическое положение Афганистана и не посягать ни на одну из его территорий. Это первое. Кроме того, ни сама она, ни Афганский эмир, – по крайней мере, так сказано, – не имеют права предпринять в Афганистане, каких-либо мер, враждебных России, а англичане даже обязываются воздействовать на Афганское правительство в духе миролюбивых его отношений к России. Что же касается до последней, то она признала Афганистан находящимся вне сферы ее политического влияния и обязалась, что все переговоры с Афганистаном она будет вести при посредстве британского правительства. Торговые отношения к Афганистану были регулированы двумя такими положениями: в смысле торговых привилегий Англия и Россия должны почитаться странами, находящимися в одинаковом положении, т.е., если какие-либо торговые привилегии будут приобретены Англией или ее купцами, то Россия имеет право претендовать как раз на такие же привилегии; с другой стороны, если какие-либо привилегии будут добыты Россией, то и Англия имеет право посягнуть на подобные же привилегии.

Сверх того, имеется статья, что для улажения приграничных мелких

дел, с очень ясной оговоркой – *не политического содержания* – будут назначены соответствующие комиссары или агенты, которые будут жить недалеко от границы, с русской стороны от русского правительства и с афганской от афганского, и эти комиссары будут дела решать, не донося об этом предварительно британскому правительству. Вот схема тех статей, которые отныне определяют отношение Афганистана с одной стороны к Англии, а с другой стороны к России.

Наконец, относительно Персии предусмотрена только экономическая сторона вопроса. Была проведена особая линия: северная, проходящая от пункта на западной границе Персии через Касри-Ширин на Исфаган и Иезд, потом отсюда в северо-восточном направлении до границы на востоке, где сходятся Афганистан, Персия и Россия. Другая линия прошла через Газик, Берджан и Керман к Бендер-Абасу, т.е. к южному пункту Персидского залива. Постановлено, что территория Персии, находящаяся к северу от первой линии, находится или считается находящеюся под экономическим влиянием России. Такое влияние формулировалось в статье тем, что Англия не имеет права ни для своих подданных, ни для каких-либо других лиц, искать в области, отнесенной к сфере влияния России, концессий – железнодорожных, банковских, транспортных и вообще каких-либо других, или препятствовать достижению подобных же концессий со стороны России или тех лиц, в пользу которых она будет хлопотать. Это же право не спорить по вопросам о концессиях с Англией Россия уступила Англии за второй нижней чертой, проходящей на северо-западе той части Персии, которая носит название Керманской области и персидского Белуджистана.

Что касается до средней области, находящейся между двумя этими линиями, то она объявлена нейтральной; России и Англия остаются здесь в положении свободно конкурирующих стран, т.е. концессии получает та из них, которая сумеет их добиться. Есть такая поговорка, что, раз Россия или Англия получили в одной из сфер какие-либо привилегии до соглашения, он и

после него сохраняют эти привилегии за собою. В начале персидской части соглашения выставлен тезис, *несколько* расходящийся с последующими дележами; он гласит, что Англия и Россия признают неприкосновенность и самостоятельность Персии.

Вот в чем состоят те статьи договора, которые касаются Персии. Более мелких сторон вопроса я касаться не буду, потому что они, во-первых, не носят столь принципиального оттенка, как приведенные, а, во-вторых, вытекают из главных статей, как логическое следствие: в иных же случаях они являются лишь частными коррективами, предусматривающими некоторые маленькие местные недоразумения и вспышки.

2. Отношение общественного мнения Англии и России к соглашению 1907 года.

Интересно теперь остановиться на вопросе, как общественное мнение обеих стран отнеслось к англо-русскому соглашению. Прежде всего, начну с англичан. Англичане вообще, а особенно общественное мнение островов Великобритании, отнеслись к англо-русскому соглашению одобрительно. Они находили, что англо-русское соглашение открывает собою новую, не виданную никогда ранее миролюбивую эру в Средней Азии. Газеты проводили мысль, что отныне в Средней Азии наступит общее благополучие, и опасаться чего-либо уже, вероятно, не придется. Если вы за покровом этих общих красивых фраз попытаетесь открыть истинные мотивы, которые привели английскую печать к таким веселым выводам, наши поиски не увенчаются успехом. Вам даже скоро бросится в глаза то обстоятельство, что английские газеты, несмотря на серьезность их по отношению к трактуемым предметам, а особенно ко всему, что касается Средней Азии, несмотря на то, что статьи такого характера обычно пишутся специалистами, – совершенно не входят в детали англо-русского соглашения, не входят, конечно, не потому, что не знают их, а потому, что эти детали, по-видимому, англичан не

интересуют. Они похожи на тех людей, которые сильно чему-то обрадовались и не хотят даже задуматься над той причиной, которая вызвала эту высокую радость. Как надо понимать такое отношение англичан к содержанию англо-русского соглашения:

Как бы ни были в действительности ничтожны торговые интересы Англии в Афганистане и Тибете – напр., с Тибетом английская торговля ограничивается только 3½ млн. руб. в год, что для Англии слишком ничтожно, – как бы ни были эти страны сами по себе скромны и малы, тем не менее, английской печати надлежало бы остановиться с большими подробностями на тех событиях, которые нависли теперь над среднеазиатской обстановкой после англо-русского соглашения. Печать этого не делала. Очевидно, она довольна этим соглашением не по непосредственному содержанию этого соглашения, а по каким-то особым целям, которые им были достигнуты. Эти цели настолько широки, настолько всеобъемлющи, что маленькие скромные детали Средней Азии совершенно брошены за борт, как неинтересные. Более чем ясно, что английская печать довольна англо-русским соглашением главным образом потому, что им достигались некие далекие для Англии горизонты, какие-то чисто имперского масштаба цели. Какие, я не стану сейчас говорить об этом, предоставляя моим слушателям самим сделать желательные выводы.

Иначе отнеслась к англо-русскому соглашению англо-индийская печать. В Индии есть люди, глубоко знающие Среднюю Азию, много ею занимающиеся и принимающие события, которые в ней происходят, близко к своему сердцу. Мало того, в Индии чувствуется среднеазиатская обстановка гораздо живее, чем это наблюдается в далеком Лондоне. Это ясно сказалось на отношении англо-индийской печати к англо-русскому соглашению. Англо-индийская печать этим соглашением, в общем, недовольна. Она его осуждает, она говорит, что Англия все потеряла, ничего взамен не получивши. Россия, несмотря на то, что ее престиж упал, что она поколеблена, явилась, по словам

этой печати, в этом дипломатическом соперничестве победительницей. В своем пылу английские публицисты доходят до крайностей. Один из них, выступивший со статьей в Pioneer Mail, газете, издающейся в Аллахабаде (Индия), сравнивает Англию и Россию с двумя бульдогами, которые жили у него в полном согласии на дворе и начали приводить хозяина к мысли, что они никогда между собою не передерутся. Но раз товарищ предложил ему проверить миролюбие собак: «брось им кость – и ты увидишь, каково их истинное отношение». Кость была брошена, и через две минуты бульдоги передрались в кровь. Автор хочет сказать, что мир между Россией и Англией возможен лишь до первой «кости». Сравнить две страны с собаками – дело некрасивое, слов нет, но факт говорит, что индийские англичане, в статьях которых появляются подобные сравнения, много перечувствовали и много поскорбели душой, прочитавши строки англо-русского соглашения.

Чтобы войти в подробности по вопросу о том, как к соглашению отнеслась англо-индийская печать, я остановлюсь на мнении двух авторитетов по среднеазиатскому вопросу, из которых один, известный русской публике венгерец Вамбери, а другой – молодой англичанин Гамильтон. Вамбери интересен тем, что при всех событиях, при которых Англия и Россия вступают между собой в какие-либо препирательства, этот человек старается изо всех сил защищать интересы Англии, а по адресу России обыкновенно начинает твердить разные сплетни и клевету, обрушиваясь на нее всевозможными нападкамии. Явление таких людей, как венгерский профессор, вероятно, останется навсегда загадкой. Еще с 60-х годов, после путешествия своего по Средней Азии, этот человек, возымел упорную мысль постоянно служить охранителем британских интересов и постоянно атаковать или подрывать интересы России. Что его побуждает к этому, почему он так усердно стоит на страже интересов чуждой ему страны, сказать трудно; – если бы спросили об этом Вамбери, он, может быть, и сам на это не ответил бы. Человек теперь уже старый, уже значительно потерявший остроту своей

критики и разумения, человек, в последнее время даже слабо следивший за среднеазиатскими событиями, Вамбери тем не менее, как только было заключено англо-русское соглашение, немедленно ополчился против России, а на этот раз и против Англии статьей в одном из видных английских журналов¹. В этой статье нет уже прежней соли, нет прежней яркости изложения, нет даже прежнего знакомства с событиями, которыми так щеголял этот специалист по Средней Азии, но его доводы, во всяком случае, характерны. Он говорит, что английских дипломатов он решительно отказывается понимать. Как можно «состряпать» такое соглашение, какое они состряпали? Он начинает иронизировать по поводу теоретического угла зрения, который свойственен некоторым дипломатическим деятелям Англии, говорит, что это теоретическое мышление не имеет ничего общего со здравомыслием, и в своем увлечении по старому доходит до угроз и мрачных предсказаний.

Впоследствии я несколько коснусь отдельных его замечаний, теперь же укажу только на один интересный пункт его статьи, который имеет несомненный смысл и с которым надо согласиться. Этот пункт касается Персии. Вамбери говорит, что Англия и Россия обидели Персию. Страну, которая находится в брожении, которая идет к свободе, которая начинает себя понимать, как органически целое, и которая начинает уважать свое прошлое, укрепляясь в уважении к настоящему, такую страну четвертовать на глазах целого света – заведомая ошибка. Кто же признает эти сферы влияния, кто их признает *в нравственном смысле*. Что Вамбери в данном случае был прав, тому свидетелем является известное заявление со стороны персидского правительства, которое последовало, вскоре, после опубликования англо-русского соглашения. Персидское правительство сказало в своем заявлении, что англо-русское соглашение оно считает не касающимся Персии, как самостоятельного и самодовлеющего государства, что Персия – страна

¹ Nineteenth Century, December, 1907.

свободная во всех отношениях, как в политическом, так и экономическом, и что она будет всегда поступать так, как поступала прежде и как приличествует поступать уважающей себя стране.

В другом вопросе, опять-таки касающемся Персии, взгляд Вамбери уже отличается очевидным пристрастием, как и в вопросе об Афганистане, как, наконец, и в вопросе о Тибете. Об этом я буду говорить ниже, попутно упоминая доводы венгерца, с которыми лично я во многих случаях категорически не согласен.

Но почему же нам интересен Вамбери? Потому, что он является отражением мысли торийской части лондонского общества. Хотя в ближайшее время по вопросу об англо-русском соглашении она, по политическим условиям, должна была почти отмолчаться, но, несомненно, она мыслит так, как говорит об этом венгерский профессор, и будь она у власти, англо-русское соглашение, вероятно, или не увидело бы света, или, может быть, получило бы несколько другую оболочку. Лорд Керзон говорил в палате лордов, что при Сольсбэри намечен был план более широкого соглашения между Англией и Россией, но мы хорошо знаем эти широкие замыслы, которые имеют один постоянный недочет: они умирают в головах политиков.

Что касается до Гамильтона, то этот человек интересен в другом смысле. Мне пришлось осенью 1904 г. встретиться с ним в гор. Оше. Случайно я наткнулся здесь тогда на двух англичан. Один из них был высокого роста, а другой – маленький. Один разыскивал какие-то гостиницы, вероятно, это была просто выдумка, другой изучал «нравы и обычаи края». Кроме английского, они никакого другого языка не знали, разве два-три слова по-немецки и 1½ по-французски. Положение их было беспомощное. Когда я наткнулся на них, – или они на меня, – британцы поспешили использовать меня в тех отношениях, в каких им это представлялось интересным. Маленький англичанин отрекомендовался членом Лондонского

Географического Общества и назывался Гамильтоном. Он начал меня расспрашивать о населении, о характере его жизни, о городах, об истории страны, ее плодородстве и т.д. Все эти вопросы были столь примитивны, столь порою наивны, что я сразу видел, что передо мною человек, который впервые вступает на территорию Средней Азии и впервые начинает заниматься ею. Каково же было мое удивление, когда через два-три месяца, получивши одну англо-индийскую газету, я нашел в ней длиннейшую статью о нашей Средней Азии, написанную Гамильтоном: автор, выдавая себя уже за авторитет, набрасывал цифру за цифрой, делал всякие обобщения, усматривал какие-то тонкие планы со стороны русских... одним словом, вел себя, как специалист чистейшей воды. Мое удивление еще более возросло, когда через год тот же Гамильтон выпустил в свет большую книгу, – говорю «большую», в смысле объема, – названную «Афганистан» и посвященную лорду Керзону¹, в которой он трактовал об этой стране во всей широте затронутого им вопроса. Эта книга одна из характернейших в том смысле, что в ней трудно найти страницу, где в частях ее, касающихся русских владений, не было бы какой-нибудь лжи или выдумки. Даже рисунки, и те были перепутаны: какое-нибудь ущелье совершенно расходилось с помещенной ниже подписью: оно, например, относилось к какому-то месту в Западной Бухаре, а подпись означала какое-нибудь место в Кашгарии, за 500 верст к востоку. Все было перепутано, данные о вооружении и гарнизонах были поистине комичны.

И, тем не менее, я этого человека привожу в качестве интересной данной при обсуждении затронутого мною вопроса. В каком смысле? А потому, что Гамильтон является довольно отчетливым рупором, через который говорит англо-индийское общество. Может быть, он лепечет об Индии, как ребенок, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, но он лепечет то, что здесь говорят взрослые. Что же говорит этот рупор? Он обрушивается на англо-русское соглашение со злобой, я сказал бы даже с

¹ Afghanistan, by Angus Hamilton. London 1906, 545.

остервенением. Он ругает английскую дипломатию до невоздержанности¹. Тут же он пускает в ход по адресу России те злобные легенды и те клеветы, которых так много в Средней Азии, и которые так легко зарождаются под ее знойным солнцем, – о том, напр., что будто бы мы в последние годы послали в Кабул тайное посольство, что была написана какая-то бумага, в которой кто-то кого-то переманивал, чуть ли не самого эмира Хабибуллу, что за этой бумагой последовала другая, какая-то особенная, и т.д.

Казалось бы, что публицисту, хоть несколько себя уважающему, должно быть стыдно пользоваться такими курьезными материалами, да еще издавать их в книге или в журнале, который должен обойти весь свет. Но люди такого пошиба, как Гамильтон, по неопытности или по другим причинам, подобными вещами не смущаются. Они охотно пользуются всеми этими сплетнями; мало того, воспользовавшись двумя-тремя из них, они делают из них крупные выводы, касающиеся достоинства не только чужой страны, о чем они в своей ненависти, может быть, много не думают, но и достоинства своей собственной родины.

Я привожу Гамильтона не из-за внимания к его личным мнениям, которые по своему содержанию едва ли такового заслуживают, а по другим причинам. Если Гамильтон является отражением *настроения* англо-индийского общественного мнения, а это англо-индийское общественное мнение в своей злобе доходит до того, что верит всякой возникающей сплетне, как бы мелка и пошла она ни была, то это говорит о таком неблагодарном настроении для миролюбивых отношений, это говорит о такой глубоко коренящейся злобе в среде индо-англичан, что невольно возникает вопрос: какими же трактатами, какими договорными соглашениями можно

¹ Его статья была помещена в *Fortnightly Review*, November, 1907. Вообще англичане, критикующие соглашение 1907 г., применяют обыкновенно язык резкий и до крайности грубый. Может быть, только лорду Перси удалось, критикуя соглашение, сохранить сдержанный и корректный тон. См., напр. *Morning Post*, November 13, 1907. Г.г. же Вамбери, Иет, Гамильтон, Фрэзер (*National Review*, December, 1907) и др. успешно соперничают друг с другом, как в злобности тона, так и в излишестве грубостей.

смирить эту злобу, заглушить эти дурно-направленные впечатления, или с другой стороны, какая же может быть надежда, что на среднеазиатской обстановке настанут мирные и добрососедские отношения, если в Индии могут, о соглашении так мыслить, как Гамильтон? Этот злобный язык политического младенца интересен, именно в том смысле, что он искренно отражает то настроение, которое не предвещает ничего доброго. В Англии могут слагаться какие угодно политические и общественные течения, но если среднеазиатский авангард ее чувствует себя так настроенным, как это проявляется Гамильтоном, то проку и добра на среднеазиатской обстановке ждать не приходится.

Теперь я упомяну о том, как реагировала на англо-русское соглашение русская печать. В общем надо сказать, что она отнеслась к этому соглашению добродушно. Общий смысл статей был таков, что наконец-то в Средней Азии положен предел длительным недоразумениям, затихла хоть временно вражда и, Бог даст, наладятся когда-нибудь новые, более дружеские и более теплые взаимные отношения России и Англии. Но поразителен тот факт, что и русская печать не вошла в подробности этого соглашения. Странно даже читать статьи по этому поводу в серьезных, – я говорю в смысле осведомленности, – газетах и видеть, что все они совершенно не хотят входить в детали. Они держатся того общего тона, что вот, мол, в Средней Азии на чем-то остановились, что-то наладилось, и что теперь, наконец, здесь люди не будут более смотреть друг на друга враждебными глазами. О том же, выгодно ли это соглашение или нет, кто выгадал, кто прогадал, можно ли рассчитывать в будущем, что все начнет обстоять благополучно, печать этих вопросов, может быть и трудных, но неизбежных, не затрагивала. По-видимому, в данном случае, русская печать, опять-таки, утешалась общими соображениями. Ее удовлетворяла общая утешительная перспектива, которая яко бы достигалась этим англо-русским соглашением, а что от этого произошло на самом деле, какие судьбы были заготовлены для Афганистана,

Тибета и Персии, что ожидает после соглашения прирубежных жителей, об этом печать не задумывалась.

Я не буду останавливаться на тех догадках, которые, естественно, возникают при объяснении такого отношения нашей печати, и укажу только, что одной из причин этого явления, как мне думается, было искреннее удовлетворение, что на каком-то фронте нашей огромной родины дело стало обстоять благополучно. Слишком много было пережито испытаний, слишком много было тревог, да и по сию пору, как всем известно, изо дня в день ходят грозные слухи, создаются мрачные поверия; и вот думать, что в каком-то углу родины дело обстоит спокойно, само по себе доставляло уже такое удовлетворение, что русская печать не задумывалась над деталями и сказала: «слава Богу, можно хоть на этот уголок земли несколько понадеяться». Это общее чувство удовлетворения оказалось, вероятно, одной из причин, почему русская печать отнеслась к соглашению искренно, со свойственной русскому народу простотой, повторяя в данном случае его обычную искренность и доверчивость к каждому доброму акту.

Оценка англо-русского соглашения 1907 г.

а) Коренные недостатки его, неискренность и пренебрежение к азиатским государствам.

Теперь, рассказав содержание соглашения и отметив, как к нему отнеслась печать, попробую высказать несколько личных замечаний, которые настойчивее и скорее других, более отдаленных выводов, вытекают из рассмотрения этого англо-русского соглашения. Я не могу подвергнуть его большой специальной оценке, это не входит в задачи моей настоящей лекции, но я остановлюсь на некоторых более крупных чертах, которые могут быть отмечены даже при поверхностном и кратком изложении вопроса. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что в Персии проведены какие-то линии; одна линия проходит через города или пункты срединной Персии, а

другая через пункты юго-восточной. Почему северная линия проходит именно через такой пункт, а не прошла несколько севернее или несколько южнее, почему юго-восточная линия охватывает кусок Персии, обращенный к Индии, и упирается в океан, почему южная линия на востоке упирается в Афганскую границу, а северная, наоборот, очень старательно уклоняется от этой границы?

Если вы от Персии перейдете к Афганистану, то вы вновь натываетесь на ряд вопросов, – почему, напр., при обсуждении афганской части соглашения целые статьи посвящены пограничным недоразумениям, почему с такой осторожностью говорят о назначении агентов? Каковы эти приграничные недоразумения? Ведь, вероятно, это обычные в Азии споры из-за воды, споры из-за островов, из-за пастбищных районов. Но тогда спрашивается, разве можно такие маленькие темы, как нечто большое, вставлять в вопросы государственной важности? Что за горе, если какая-нибудь корова с бухарского берега переплывет на другой – в Афганистан, разве она без договорного соглашения не будет водворена обратно? Или, если приграничные жители перессорятся из-за арычной воды, – разве из-за этого не ссорятся ежедневно во всех странах Средней Азии и разве, поссорившись, не приходят сами к какому-нибудь соглашению, – то, стоит ли поднимать такие маленькие темы двум государствам в таком серьезном государственном акте?

Если вы перейдете к Тибету, то тут вас поражает та сторона, что на сцене фигурируют какие-то темы, которые для вас не ясны, но которые намекают на теоретический или даже излишне теоретический характер соглашения. У вас сразу возникает вопрос, разве в Персии, Афганистане или Тибете, речь по существу идет об этих линиях или о приграничных недоразумениях, разве вопрос в этих трех рынках, которых добилась Англия в Тибете? Почему же, во всяком случае, ни Россия, ни Англия не поднимают тех вопросов, которые по существу интересны и которые являются темами вековыми, постоянно фигурирующими в политической литературе обеих

соперниц Средней Азии?

Подобная игра в жмурки доходит до того, что, прочитав англо-русское соглашение от начала до конца, вы нигде, напр., ни одного слова не услышите об Индии. Несомненно, она всюду фигурирует, она подразумевается на каждом шагу. Отчего же обе страны не сказали друг другу, что дело идет не об этих приамударьинских рубежах, не об Исфагане и не об этих незначительных городках, которые пересчитываются в соглашении, а совершенно о других темах, и что существует беспокойство, главным образом, из-за *двух тем*, эти темы касаются Индии и доступа в Персидский залив. Теперь *задайтесь* вопросом, почему же ни Россия, ни Англия о них не упомянули, почему нашли возможным эти капитальные вопросы заменить вопросами частными, мелкими? Вы тщетно будете ждать ответа.

Мне рисуется, что характерной особенностью, основным недостатком англо-русского соглашения, является его *неискренность*. Все это соглашение не искренно. Люди собираются наладить мирную обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорят, по поводу чего же они решаются быть миролюбивыми. Они начинают бегать по каким-то углам среднеазиатской территории и говорят обо всем, о чем угодно, но не о том, что интересно, проводят апокалипсические линии, затрагивают этих маленьких бедных людей, которые обойдутся и без них, но не задаются вопросами капитальной важности, на которые весь мир хотел бы от них слышать ответ. России нужно было бы поднять вопрос, что Англия думает об Индии, как она смотрит на свою колонию, допустит ли она нас туда или нет; с другой стороны, Англия должна была бы честно сказать, что для нее весь вопрос только в Индии и в водах Персидского залива, что она боится именно за них, боится перспективы возможного столкновения с Россией, так как этот несчастный день может повлечь ее падение в воды океана.

Сказанная неискренность является самой опасной стороной англо-русского соглашения. Люди в жизни никогда не заключат настоящей

мировой, если они от сердца и по-человечески не скажут, чему придают значение, в каких *главных* целях они хотят договориться.

Другая сторона, которая вызывает недоразумения, следующая. Посмотрите сначала на Персию. Первая статья персидской части соглашения говорит, что договаривающиеся государства будут уважать ее независимость и неприкосновенность территории, верховные права ее властителя, а вслед за этим, вы видите, что эту страну начинают четвертовать: это, мол, к северу мое, твое к юго-востоку, а там территория нейтральная. Кто-то оттуда придет, и для кого-то Англия и Россия приготовили с запада такие хорошие ворота! Как согласовать эту основную статью с последующим разделом Персии? Ведь это было бы страшно и раньше, это еще страшнее теперь, когда в Персии пробуждается национальное движение, когда страна начинает понимать себя, когда она начинает сознавать свои силы, начинает чувствовать связь с Германией и возможность покровительства с этой стороны. Сказать этой стране, что ее делят, как кусок мяса, значит, глубоко оскорбить самую страну и обитающий в ней народ. Разве может быть надежда у Англии и России, что персидский народ когда-либо простит эту дележку?

Пойдем далее. Относительно Афганистана в несколько замаскированной форме говорится, что там будут слушать эмира Афганского, и наиболее существенное в статьях ставит в зависимость от его решения, но нельзя забывать, что эмира Афганского называют в Средней Азии английским *нукером*, т.е. слугой... это вам скажет здесь каждый простолюдин. И теперь об этом-то нукере говорят, что от него будет зависеть окончательное решение вопроса капитальной важности; ведь по существу такое постановление равносильно тому, что все будет зависеть от Англии. Допустим, что афганский народ, живущий по горным трещинам, далеко от центра жизни, не узнает сразу и не поймет того унижения, которое ему приурочено в соглашении, но ведь рано или поздно его охватит сознание этого. А афганский народ считается народом самолюбивым! Каковы же будут

результаты этого дележа, этого запрета Афганистану жить политической жизнью или только в известном направлении воплощать свое политическое дыхание? К северу, например, для него прекращена вся политическая жизнь, направленная исключительно к юго-восточному выходу.

Это есть такое же оскорбление, как и по отношению к Персии, и надо думать, что оно афганским народом прощено не будет. Точно также обстоит дело и по отношению к Тибету.

Эта сторона является также одной из существеннейших, которые заставляют бояться за благие результаты англо-русского соглашения. Как бы эти страны ни были малы, но, все-таки, в Персии некоторые насчитывают до 9 миллионов народу, в Афганистане – 5, в Тибете – 2, – итого 16 миллионов. Эти 16 миллионов, все-таки, не горсть. Ведь эти люди жили здесь тысячелетия, жили своим оригинальным, хотя, может быть, и скромным укладом, молились своим богам, имели свою историю и целый ряд своих традиций. С этими традициями связан целый сонм преданий, с ними связана народная гордость; посягнуть на все это в данную минуту, полагаясь на богатства и оружие, это несомненная ошибка.

Вот почему я считаю второй существенной ошибкой англо-русского соглашения его слишком открыто проявленное *пренебрежение к тем странам, о которых оно трактует.*

б) Кто более выиграл – Россия или Англия? Ошибочно ожидать миролюбия в Средней Азии.

Теперь на очередь является очень интересный и сложный вопрос: кто же, в конце концов, выиграл при этом соглашении, Англия или Россия? По этому поводу нужно заметить, что со стороны Англии люди, занимавшиеся этим вопросом в один голос говорят, что Англия прогадала. Я же со своей стороны позволю себе иметь свое мнение и утверждать, что прогадала Россия. Таким диаметрально противоположным взглядам удивляться не приходится.

Неизбежная доля патриотизма, известное пристрастие к своей родине, очень понятная жадность, когда дело касается своей страны, несколько затуманенный благодаря этому критический взор... все это является достаточным объяснением, почему люди, дорожащие достоинством своей страны, многое преувеличивают.

Я не буду останавливаться подробно на этой теме и приведу только, для примера, как смотрит на вопрос о выгодах профес. Вамбери, а затем выскажу и свой взгляд на это. Говоря о Персии, Вамбери рассуждает так: прогадала без сомнения Англия, ибо она отдала России самую лучшую, самую богатую, самую разработанную часть этой территории с большими торговыми пунктами, с богатыми местами, с горами, содержащими горные богатства; а себе она взяла Керманскую область и персидский Белуджистан, т.е. страны бедные, пустынные, ничего не значащие, в которых даже верблюд, этот мученик степей, и тот не выдерживает путешествия и издыхает. Наконец, обе страны оставили один клочок Персии совершенно без внимания, оставили доступ для какой-то другой страны. Входя в детали, он далее говорит: «торговый путь на Керманшах, на который было убито много денег и энергии, Англия бесповоротно теперь потеряла, и когда все это было сделано? Когда с Россией можно было торговаться и получить от нее все, что было угодно».

Итак, Вамбери говорит, что в Персии прогадала Англия. Применю теперь другую логику. Если всматриваться в эти линии и задаться вопросом, что получили страны, ответ будет таков. В той части, которая теперь *официально* отгорожена в пользу России, последняя являлась фактическим властителем уже давно. Дала ли нам что-нибудь Англия, отгородивши в нашу пользу эту страну к северу? Решительно ничего. Наше политическое и экономическое преобладание чувствуется здесь уже не первое столетие. Да оно и естественно. С Персией мы имеем сношения полтора столетия, если не больше; мы соприкасаемся с ней на длинной границе, находимся от нее на расстоянии двух-трех переходов, можем при первой необходимости нажать на

нее и заставить ее выполнить все наши условия.

Прочитайте новейшие путешествия Пассека, Риттиха и др. и вы увидите, что наши экономические завоевания давно продвинулись на юг, за ту черту, которую мы провели теперь с англичанами. Значит, давая нам кусок, о котором плачется Вамбери, Англия нам дала, – если это можно назвать даваньем, – то, что давно принадлежало нам; мало того, дала то, чего не дать или отнять от нас она не имела силы.

С другой стороны, если мы зададимся вопросом, что мы уступили Англии, то увидим, что дали ей тот район, который приближает Британию к полному овладению Персидским заливом. Свою северо-западную оборону Индии она передвигает от себя на такой большой придаток территории, что обеспечивает, свою колонию заново, присоединяет окончательно весь Белуджистан, часть южного Афганистана и замыкается в огромной территории, окончательно выбрасывая из нее нас, как своих наиболее серьезных противников. Она дает нам только то, что принадлежало нам, а сама заставляет нас официально отказаться от нашей исторической задачи – пробиться когда-либо к берегам Индийского океана. Пусть эту идею называют излишне теоретичной, пусть говорят, что эта задача не по силам нам, что она есть нечто книжное, но ведь англичане отнюдь не считают этот вопрос книжным. Отрезая нас от Персидского залива, они кладут продолжительное veto на те государственные вопросы, которые занимали очень многих людей в России и о которых многие болели.

Вы скажете мне, что России остается возможность пройти к Персидскому заливу к западу от южной из разграничивающих линий. Это совершенно верно, но ведь, во-первых, достижение указанной части Персидского залива по топографическим условиям обставлено большими затруднениями, и, во-вторых, если бы после долгих усилий даже и пробьетесь, в конце концов, к заливу, вы очутитесь у закрытого моря, выход из которого будет зависеть от других. Какой же смысл затрачивать миллионы и энергию,

если в результате, опять-таки, придется находиться под властью тех же англичан, которые запирают у Бендер-Абаса выход из Персидского залива в Индийский океан? Вот почему я считаю совершенно справедливым мое утверждение, что в своем договорном соглашении с Англией *Россия надолго отказывается от одной из своих крупных исторических задач.*

Перейду теперь к вопросу об Афганистане. Вамбери перечисляет, что в Афганистане Англия вела много войн, потратила большие деньги, что она субсидирует Афганского эмира, – дает ему 1.800.000 рупий в год – и, после таких трат и жертв, в конце концов, ставит себя в одинаковые условия с Россией. Это ли, мол, не безумие... и старик, по-прежнему, принимается ругаться. Я со своей стороны скажу таким образом. То положение, в которое Россия поставила себя в отношении Афганистана, то есть положение государства, соседящего с ним на две тысячи верст и не имеющего никаких сношений с этой страной, я называю политическим nonsens'ом или, выражаясь попросту, политическим неразумием. И говорю это, в данном случае, не я один. Когда Керзон готовил Тибетскую экспедицию, то им была высказана знаменательная фраза, – ее можно найти в одной из двух «синих книг», опубликованных по поводу Тибетской экспедиции. Лорд сказал, что для Англии, гордой и богатой страны, постыдно жить с Тибетом рядом и не иметь с этой страной никаких сношений. Приводя этот довод, подсказанный разумной государственной гордостью, в применении к Афганистану, я еще с большим правом могу сказать, что *странно и постыдно такой могучей стране, как Россия, жить рядом с другой страной, имея общую границу более чем в 2.000 верст и не иметь с этой страной никаких сношений.* Но исправлена ли эта крупнейшая ошибка англо-русским соглашением? – Та ошибка, устранение которой одно только и могло придать смысл и жизненность этому соглашению? Нисколько. Мы теперь официально признали Афганистан вне сферы нашего влияния и торжественно заявили, что будем с ним переговариваться через британское правительство; мы

подтверждаем теперь официально то, что прежде подтверждалось только некоторыми представителями министерства и считалось фактом, хотя и общеизвестным, но не фактом государственной очевидности.

Теперь мы перед всем миром заявили, что от Афганистана отказываемся. Мне могут возразить: «а те торговые привилегии, которые мы получили, а возможность иметь агентов у границы разве это не плюс?» Я думаю, что и это не плюс. Во-первых, когда все это сбудется, много воды из Аму-Дарьи протечет в Аральское море, ибо все это трактуется в статьях, как *нечто будущее*. Это первая сторона. Вторая сторона сводится к лукавой оговорке, что статьи соглашения войдут в силу после получения на них согласия эмира афганского. Человеку, знающему среднеазиатскую обстановку, придется над этой оговоркой засмеяться, но засмеяться, не иначе, как с горечью и досадой. Все наиболее интересное в афганской части соглашения, подававшее некоторые для нас надежды, сводится к воле эмира, а что он сделает? Только то, что прикажут англичане. Значит, исполнение всех этих статей, наиболее утешительных, *возложено на неопределенное будущее* и, сверх того, еще поставлено в зависимость от воли англичан. Можем ли мы достигнуть при таких условиях чего-нибудь? Положа руку на сердце, я думаю, что ничего.

Я мог бы это рассуждение относительно мнимых для нас выгод распространить и на Тибет, но не буду утруждать ваше внимание. Но, остановив его в настоящий момент на отрицательных сторонах соглашения, я должен отметить еще одну сторону, которая так обрадовала английскую и русскую печать, но которая мне не рисуется утешительной. Эта сторона характеризуется надеждой очень многих, что после англо-русского соглашения в Средней Азии настанет мир и покой. Я имею право опасаться, что эти ожидания не сбудутся, или что они, во всяком случае, слишком оптимистичны. Ведь, по существу, англо-русское соглашение подчеркивает официально только то, что уже давно на практике нами признавалось в

Средней Азии. Никогда мы не нарушали неприкосновенности Афганистана, никогда не переходили заповедную для нас пограничную линию и даже не старались переходить ее, никогда не вступали в Тибете в политические интриги, хитроумные переговоры и т.д... мы можем утверждать это совершенно спокойно. В полемической литературе англичан говорилось обо всем этом иначе, да только верили ли этим выдумкам, хотя бы сами авторы всех подобных замысловатых творений? Все в Средней Азии знали, что «нечто» не принято здесь делать, и не делали, а теперь мы только официально это установили. Почему же в этом усмотрели источник дальнейшего миролюбия и взаимной искренности?

Но, чтобы доказать мое право на подобный пессимистический взгляд, я коснусь двух недавних фактов. Первый факт состоит в том, что в Персии во время последних бурных годов две союзницы, Россия и Англия, действовали заодно. Если случалась какая-нибудь неприятность или недоразумение, то послы, сговорившись между собой, делали известное представление персидскому шаху; на каждый шаг персидского правительства или на каждое крупное движение в стране послы старались отзываться после обоюдного соглашения. Теперь взвесьте, каковы получались для стран результаты. Англия перед всем светом фигурирует, как защитница или поборница освободительного движения в Персии, по адресу Англии со всех сторон несутся похвалы, что вот, мол, эта страна является горячим борцом за прогрессивное движение в Персии, старается поддержать представителей этого движения и т.д. Россия же, которая на каждом шагу действует с Англией *заодно*, выставляется всюду, как поборница реакционного движения в Персии, на нее со всех сторон слышатся разные наветы, несутся по ее адресу клевета и т.д. Не буду входить в предположения о том, как ведут себя на самом деле Англия и Россия, ограничусь только внешними фактами. Действуя вместе и заодно, одна из стран получает репутацию для нее выгодную, выигрышную на международной обстановке, а другая клеймится названием

носительницы ретроградных идей. В чем же надо искать источник такой странности? Надо искать его в том, что союзницы, действуя в Персии с внешней стороны единодушно, в действительности действуют врозь. Если бы они на самом деле работали «душевно» за одно, то никаких противоположных репутаций не создавалось бы, и оба государства фигурировали бы в качестве или поборниц освободительного движения, или обе в качестве поборниц реакционного движения. Во всяком случае, разные оценки, как теперь, не было бы.

А между тем такая недружная и лукавая работа совершается после англо-русского соглашения и притом *союзниками*, как Россия и Англия себя афишируют перед всем миром.

Приведу другой пример: как только закончилось англо-русское соглашение, сейчас же стали говорить о постройке среднеазиатской дороги, долженствующей Индию соединить с Россией. Логика была правильная: раз соглашение создает мирную обстановку в Средней Азии, главная и единственная причина к проведению дороги тем самым устраняется. Раздались фразы о великих горизонтах, открываемых будущей дорогой, о пробуждении Афганистана, о том, что трехсотмиллионный угол земного шара соединится, наконец, с четырехсотмиллионной Европой и т.д. Но когда от этих фраз попробовали перейти к делу, то настроение общественного мнения Англии из прежнего веселого и доверчивого тона перешло на сдержанный и замкнутый, скоро фразы стихли, их сменило потом выжидательное настроение, и слухи о железной дороге стали мало помалу бледнеть и сводиться на нет. Вот вам два образчика. Какое же тут миролюбие? Пока дело идет о фразах, люди миролюбивы, но когда дело переходит к фактам, они начинают по старому ежиться и смотреть недругами.

Этих двух фактов, – а я число их мог бы не мало увеличить, – мне кажется, вполне достаточно, чтобы умерить тот оптимистический тон, который охватывает ныне общественное мнение России и Англии.

в) Положительные стороны соглашения.

Но я не хотел бы прослыть за непримиримого врага англо-русского соглашения, что может случиться, если я не остановлюсь хотя бы в двух словах на подчеркивании тех положительных сторон, которые, по моему мнению, в нем заключаются. Прежде всего, как ни как, англо-русское соглашение 1907 г. является *первой попыткой установить какую-нибудь мирную отправную точку в отношениях двух колоссальных соперниц на среднеазиатской арене*. Пусть эта проба будет неудачна, пусть это будет лишь попытка, но ведь попытка, как говорится, не пытка. Не заладится она, и придется ее бросить, через несколько времени можно обратиться к новой, которая после первого опыта может быть налажена уже более удовлетворительно, которая глубже войдет в детали, – и в результате создастся, может быть, новая проба, имеющая уже реальный характер. В этом, сказал бы я, содержится несомненный нравственный смысл англо-русского соглашения. Пора бы Англии и России перестать давать поводы к созданию в Средней Азии разных уподоблений, вроде тех, которые нашу родину сравнивают с медведем, а Англию, – с каким-либо другим животным, и об этих животных говорят, что они из века в век скалят друг на друга зубы. Для культурных и могущественных стран такое сравнение глубоко обидно. От кого оно исходит? Оно исходит из уст полудикаря, который не может объять все стороны обстановки, но который винит внешнюю обстановку и характеризует ее таким невзрачным, но увы, довольно метким образом.

Второй положительной стороной соглашения можно признать его *применение на очень большой территории*; это дает надежду думать, что соглашение захватывает вопрос, хотя бы в пространственном смысле, широко и надежно. Это есть проба, распространенная на широкую зону. В этом широком распространении соглашения коренится одна из надежнейших сторон его дальнейшего успеха.

Что касается еще одной положительной стороны, я позволю ее

характеризовать мудрой пословицей нашего великого народа, который по поводу всякой попытки найти миролюбивый исход и зажить добрососедской жизнью говорит с присущим ему доброжелательством, что *«худой мир – лучше доброй ссоры»*.